П. Щукинъ.

В. С. СОЛОВЬЕВЪ,

КАКЪ РЕЛИГІОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ.

(Публичное богословское чтеніе).

ВОРОНЕЖЪ.
Типо-Литографія В. И. Исаева, Большая Дворян. ул., д. д-ра Столль
1903.

Пров. 1959

Пр.

B4235
Сал I

Отъ Московскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Августа 21 дня 1903 года.
Цензоръ, Протоіерей *Александръ Смирновъ*.

V 7940

ВЛАДИМИРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ,

КАКЪ РЕЛИГІОЗНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ.

I.

Обаятельная личность философа.—Широта его умственнаго кругозора.—Постепенный ростъ философскаго міросозерцанія.—Значеніе В. С. Соловьева, какъ религіознаго мыслителя.

Пишущій эти строки только разъ видѣлъ Владимира Сергѣевича, но вотъ и теперь онъ стоитъ передъ глазами, какъ живой, со своей типичной, чисто философской головой, со своими живыми глазами, въ которыхъ свѣтился его глубокій, проникновенный умъ. Это былъ человѣкъ необычайный, печать избранника Божія лежала на немъ.

Влад. Серг. двадцати лѣтъ уже былъ магистромъ философіи за свою цѣнную философскую работу: «Кризисъ западной философіи», а 25—докторомъ, блестяще защитившимъ свою диссертацію: «Критика отвлеченныхъ началъ»,—диссертацію, обратившую на себя вниманіе не только русскихъ, но и западныхъ философовъ.

Пытливость Вл. Серг., кажется, не знала предѣловъ. Онъ слушаетъ лекціи сначала на естественномъ отдѣленіи физико-матем. факультета потомъ на историко-филологическомъ факультетѣ въ Моск. унив., послѣ этого поступаетъ вольнослу-

шателемъ въ Московскую духовную академію. Впослѣдствіи онъ тщательно изучаетъ религіи востока, посѣщаетъ лично Египетъ, знакомится съ жизнью Европы, завязываетъ сношенія съ видными представителями инославныхъ исповѣданій.

Онъ прекрасно зналъ естественныя науки, былъ лучшимъ знатокомъ, истолкователемъ и переводчикомъ корифеевъ древней и новой философіи; онъ изучалъ въ оригиналѣ творенія Отцовъ Церкви, древнихъ аскетовъ, фоліанты древнихъ схоластиковъ.

Вл. Сер. обладалъ неутомимою жаждой знанія, за книгой забывая различіе между днемъ и ночью.

Въ головѣ нашего мыслителя постоянно кипѣла творческая работа, пока тѣло въ состояніи было выносить этотъ гигантскій, невѣроятный трудъ духа.

Мысль его постоянно была въ напряженіи; онъ въ своей головѣ создавалъ до мельчайшихъ подробностей сложныя философскія работы, и нужна лишь была свободная минута, чтобы записать ихъ на бумагу.

И какъ изумительно-разностороння была эта дѣятельность.

Влад. Серг. не только былъ философъ, онъ былъ и публицистъ, и литературный критикъ, и историкъ, и поэтъ. И на всемъ, что бы онъ ни написалъ, лежала печать разносторонняго глубокаго ума, неподдѣльнаго творчества.

Но больше и прежде всего онъ былъ философъ.

Его философскіе взгляды достались ему недаромъ: они были результатомъ мучительной внутренней работы, потому то такъ и дорожилъ ими нашъ философъ.

Онъ началъ съ матеріализма; 15-лѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ отчаянный матеріалистъ и нигилистъ. Но его недюжинный умъ не могъ долго удовлетворяться этимъ одно-

бокимъ міровоззрѣніемъ, и онъ скоро сбросилъ его съ себя, какъ юноша сбрасываетъ тѣсный дѣтскій костюмчикъ.

Онъ увлекается позитивизмомъ, философіей Спинозы, затѣмъ Шопенгауэра. Но вотъ, передъ духовными очами его засвѣтились иные горизонты: онъ мало по малу становится убѣжденнѣйшимъ спиритуалистомъ, т. е. философомъ, признающимъ существованіе другого міра, кромѣ этого матеріальнаго міра вещей и явленій.

Тогда убѣдить въ этомъ и другихъ—стало задачей существованія философа, и предъ ней онъ не останавливался никогда, несмотря ни на какія обстоятельства.

Твердо и прямо онъ шелъ по своему пути. А путь этотъ былъ тернистъ.

Время, когда выступилъ со своею философскою дѣятельность Влад. Серг.—семидесятые годы—было медовымъ мѣсяцемъ у насъ дарвинизма и матеріализма.

Велась самая усердная популяризація матеріалистическихъ идей и въ журналистикѣ, и съ высоты профессорскихъ кафедръ, и на страницахъ дешевыхъ книжекъ.

Составилось убѣжденіе, что Контъ, Дарвинъ и болѣе популярный у насъ, чѣмъ даже у себя на родинѣ—Спенсеръ окончательно, разъ на всегда, устранили вопросъ о существованіи духовнаго міра.

Сомнѣваться или не признавать, что данными ученіями исперпаны всѣ вопросы бытія—считалось умственною отсталостью, тупостью или ханжествомъ.

Прекрасно знакомый съ этими воззрѣніями, самъ находившійся подъ ихъ вліяніемъ, Соловьевъ не испугался бранныхъ эпитетовъ, которыми надѣлялись со стороны усердныхъ поклонниковъ выше названныхъ ученій всѣ, кто осмѣливался мыслить иначе, онъ бодро и стойко пошелъ въ разрѣзъ съ распространенными въ обществѣ воззрѣніями.

Въ продолженіе нѣкотораго времени онъ читалъ лекціи въ столичныхъ университетахъ. Новый, необычайный тонъ лекцій молодого профессора многимъ, воспитаннымъ на иныхъ воззрѣніяхъ, не нравился. Бывали случаи, что студенты шли на лекціи съ цѣлью выразить протестъ. Но талантливый лекторъ дѣлалъ чудеса – многіе слушатели удалялись съ лекціи очарованными вдохновенной убѣдительностью его слова. Послѣ лекцій Соловьева окружали тѣсной толпой, являлись оппоненты, затѣвался горячій споръ. Профессоръ съ вниманіемъ выслушивалъ своихъ, иногда чрезвычайно запальчивыхъ оппонентовъ и шагъ за шагомъ разбивалъ ихъ доводы и возраженія.

Его лекціи и въ университетѣ и послѣ, когда онъ выступалъ частнымъ лекторомъ, положительно наэлектризовывали слушателей, особенно учащуюся молодежь.

Дѣйствовали на слушателей широкая образованность, блестящее остроуміе, удивительная сила логическаго мышленія, а больше всего—личная глубокая убѣжденность Влад. Сергѣевича въ томъ, о чемъ онъ говорилъ и писалъ.

Истымъ философомъ Вл. Серг. былъ и въ своей жизни. Въ послѣднее время, постоянно занятый напряженною умственною дѣятельностью, онъ не имѣлъ даже опредѣленнаго жилища.. Его единственное имущество—книги—находились въ разныхъ мѣстахъ. Философъ обнаруживалъ полнѣйшее пренебреженіе къ житейскимъ удобствамъ. Благотворя на право и налѣво, онъ серьезно убѣждалъ друзей, что ему лично обѣдать черезъ день совершенно достаточно. Иногда Вл. Серг. цѣлые мѣсяцы проводилъ въ одиночествѣ, самъ себѣ ставилъ самоваръ, таскалъ дрова и топилъ печку.

Извѣстный фр. писатель Вогюэ справедливо выражается о Соловьевѣ, что «это была одна изъ оригинальнѣй-

шихъ фигуръ въ своей странѣ послѣдней четверти протекшаго столѣтія».

Заслуги Вл. Серг. предъ своей родиной велики. Начавши свою дѣятельность во время шатанія умовъ своихъ современниковъ, онъ стремился раскрыть глаза мыслящей части русскаго общества на важность тѣхъ вопросовъ, которые ею пренебрегались. Облекши эти вопросы въ научную философскую форму, онъ заинтересовалъ ими многихъ, которые ранѣе проходили мимо ихъ равнодушно; на многихъ онъ подѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ, заставивъ ихъ серьезнѣе отнестись къ вопросамъ религіи и нравственности.

Иногда Влад. Сергѣевичъ высказывалъ и такіе взгляды, предъ которыми православный богословъ останавливается въ смущеніи. Особенно православнымъ людямъ прискорбно было сильно обнаруживавшееся нѣкоторое время влеченіе Соловьева къ католицизму.

Но съ такими взглядами подъ конецъ жизни распростился философъ. «Оправдать вѣру отцовъ» —стало завѣтною его мечтою, цѣлью его литературныхъ трудовъ.

Ставить ему въ упрекъ его частныя и оставленныя заблужденія мы не будемъ.

Въ наше время, когда такъ безтрепетно попираются самыя священныя вѣрованія православнаго человѣка, религіозно-нравственные взгляды Влад. Серг., полные цѣломудренной христіанской чистоты и проникновеннаго пониманія христіанскаго духа, что зависѣло отъ глубокаго знакомства его съ твореніями Св. Отцовъ и христіанскихъ аскетовъ,— эти взгляды для прав. христіанина глубоко утѣшительны и отрадны.

II.

Критика матеріализма, позитивизма и идеализма Гегеля. Идея всеединства въ мірозданіи. Живое абсолютное начало бытія—Богъ.

Прежде чѣмъ строить свое міровоззрѣніе, Влад. Серг. подвергнулъ критическому анализу основныя положенія пережитыхъ имъ философскихъ направленій; онъ шагъ за шагомъ разбираетъ философскія системы, которыя присвоили себѣ право быть исключительными истолковательницами смысла бытія.

Такими системами являются прежде всего матеріализмъ и позитивизмъ, которые Влад. Сергѣевичъ обозначаетъ однимъ общимъ именемъ реализма.

Мы изложимъ сущность философской критики Вл. Серг.

Нашъ философъ начинаетъ свой разборъ съ самой наивной формы матеріализма, когда признаются за предметами именно тѣ качества, о которыхъ говорятъ наши ощущенія.

Я вижу предметъ, напримѣръ, краснаго цвѣта, говоритъ матеріалистъ такого пошиба—значитъ дѣйствительно существуетъ красный предметъ, я беру его на языкъ, ощущаю горькій вкусъ,—значитъ предметъ этотъ горькій.

Но стоитъ только немножко подумать, чтобы признать эту точку зрѣнія совершенно несостоятельною.

Не только въ разныхъ лицахъ, но и въ одномъ и томъ же человѣкѣ одна и та же вещь въ различное время возбуждаетъ неодинаковыя ощущенія: одному извѣстный предметъ кажется холоднымъ, другому теплымъ, сегодня на меня данная вещь произвела ощущеніе очень горькаго, въ другое время не покажется такой.

Но вѣдь не значитъ же, что и самые предметы въ это время измѣнились. Наши ощущенія изчезаютъ и мѣняются

ежеминутно, но самые предметы, конечно, остаются. Ясно, что разъ мы признаемъ за міромъ независимое отъ насъ существованіе, то должны приписать его предметамъ свойства, отличныя отъ самихъ ощущеній.

На слѣдующей ступени матеріализмъ удаляетъ изъ числа опредѣленій дѣйствительно существующаго все, что относится къ качественной сторонѣ нашихъ ощущеній и оставляетъ за нимъ только геометрическія и механическія свойства, изъ нихъ основныя—протяженность и непроницаемость.

Протяженная и непроницаемая матерія—вотъ сущность всѣхъ вещей, единственное абсолютное начало міра.

Но когда мы задумаемся надъ этимъ абсолютнымъ, то опять у насъ возникаетъ масса недоумѣній. Абсолютное начало должно быть единымъ, а матерія протяженна, стало быть состоитъ изъ частей; матерія, говорятъ, непроницаема, но что значитъ это свойство?—для кого или для чего не проницаема?—Вѣдь внѣ ея ничего нѣтъ? Какъ же можетъ обнаружиться это свойство? Матерія, говорятъ, подвижна. Но гдѣ же она могла бы проявлять это свойство, гдѣ она можетъ двигаться, когда кромѣ нея нѣтъ ничего? и т. д. и т. д.

Если признать матерію, дѣйствительно, абсолютнымъ единствомъ, тогда отъ нея нужно откинуть всѣ матеріальныя свойства. Но тогда она уже не будетъ матеріей. А если признать за ней эти свойства,—тогда невозможно мыслить ее абсолютнымъ единствомъ.

Тутъ на помощь матеріализму является новая теорія—атомизма.

Съ точки зрѣнія этого ученія безусловная реальность принадлежитъ не предметамъ вещественнаго міра, не матеріи, въ ея цѣломъ, а отдѣльнымъ частицамъ матеріи—атомамъ. Они—атомы—недѣлимы, неизмѣнны, протяженны, непроницаемы, подвижны, находятся въ состояніи непре-

рывнаго взаимодѣйствія и безконечно разнообразными своими комбинаціями образуютъ разнообразіе міра. Но и это воззрѣніе, какъ раскрываетъ философъ, не устраняетъ массы недоумѣній.

Оно приписываетъ атомамъ безусловную дѣйствительность, а между тѣмъ свойства ихъ противорѣчатъ такому пониманію. Всѣ свойства, приписываемыя атомамъ, всецѣло относительны и условны; они лишь указываютъ на отношеніе однихъ атомовъ къ другимъ: атомъ непроницаемъ, значитъ, онъ обладаетъ способностью не пускать на свое мѣсто другой атомъ. Но что же такое атомъ самъ по себѣ, независимо отъ другихъ, представленный, напримѣръ, въ пустотѣ, когда другихъ атомовъ около него не будетъ? На это отвѣта нѣтъ.

Атомъ—протяженъ. Но протяженность опять имѣетъ смыслъ только тогда, когда подразумѣваются другіе атомы, по отношенію къ которымъ онъ и занимаетъ извѣстное мѣсто. Если въ атомѣ кромѣ протяженности и непроницаемости ничего нѣтъ, то онъ не имѣетъ никакой дѣйствительности; это какой то условный символъ. И вещественная природа, въ такомъ случаѣ, является міромъ призраковъ, которые дѣйствуютъ лишь другъ на друга, а сами не имѣютъ никакого содержанія.

Не въ иномъ ли чемъ должно искать этой реальности атомовъ?

Непроницаемость атомовъ есть ихъ сопротивленіе другъ другу, а сопротивленіе предполагаетъ стремленіе съ одной стороны отстоять себя, - съ другой—воздѣйствовать на иное: а гдѣ стремленіе, тамъ необходимо должно предполагать усиліе. Такимъ образомъ, внутреннее бытіе атомовъ должно слагаться изъ усилій, значитъ, они живые центры внутреннихъ силъ. А если такъ, то атомы не могутъ быть въ сво-

ей сущности протяженными—усиліе есть внутреннее стремленіе, не имѣющее пространственнаго образа. И если въ протяженности, непроницаемости и въ ихъ соединеніи—сущность всего вещественнаго, то выходитъ, что вещественное въ своей внутренней сущности невещественно, что все матеріальное имѣетъ духовную основу.

Но въ этомъ уже полное отрицаніе матеріализма.

А какъ можно доказать, что въ матеріи нѣтъ ничего, кромѣ протяженности и непроницаемости?

Атомы—протяженны и непроницаемы. Но вѣдь атомовъ видѣть или вообще ощущать нельзя. Слѣдовательно мы имѣемъ не фактъ, а лишь умозрительное предположеніе.

Чтобы избѣгнуть такихъ умозрительныхъ гаданій, другое философское направленіе, такъ называемый феноменальный реализмъ, отказывается отъ познанія сущности вещества и признаетъ, что дѣйствительному знанію подлежатъ только явленія.

Явленія это наши ощущенія; они существуютъ для насъ только тогда, когда мы видимъ, слышимъ и т. д.; поэтому утверждать, что для насъ ничего не существуетъ, кромѣ явленій, значитъ все равно, что утверждать: для насъ ничего нѣтъ, кромѣ ощущеній. Вещи—это лишь возможности для насъ получать ощущенія. Въ этомъ суть ученія Дж. С. Милля.

Но вѣдь дли каждаго изъ насъ доступны только свои собственныя ощущенія; значитъ, для меня существуютъ только мои ощущенія и ничего больше. Всѣ предметы, вещи, животныя, люди, только возможности моихъ ощущеній. Этого мало: о себѣ я тоже знаю только изъ состоянія своего сознанія; слѣдовательно и мое я лишь представленіе. Опытъ только объ этомъ и свидѣтельствуетъ, онъ не даетъ

понятія о моемъ я, какъ началѣ, какъ виновникѣ явленій сознанія.

Но тогда что же въ концѣ концовъ получается?

Существуютъ лишь явленія сознанія, но не моего, такъ какъ меня нѣтъ, а сознанія вообще, безъ сознающаго, равно какъ и безъ сознаваемаго. Получается, однимъ словомъ, сплошное недоразумѣніе.

Здѣсь полный отказъ отъ возможности всякаго знанія. Если вся дѣйствительность сводится къ тому, что лишь нами переживается, то, очевидно, нѣтъ никакого знанія, обязательнаго для всѣхъ умовъ, да такихъ умовъ и нѣтъ, потому что все содержится въ моемъ единоличномъ сознаніи, да и моего сознанія, оказывается, нѣтъ.... Однимъ словомъ, все расплывается въ чистое ничто.... Вотъ печальный результатъ признанія за дѣйствительно существующее только матеріи.

Далѣе Влад. Сергѣевичъ Соловьевъ подвергаетъ остроумной и глубокой критикѣ другое направленіе, силившееся выяснить смыслъ бытія,—такъ называемый, раціональный идеализмъ, самымъ виднымъ представителемъ котораго былъ нѣмецкій философъ Гегель.

Въ этой философской системѣ все существующее выводится чисто умозрительнымъ путемъ, посредствомъ развитія отвлеченнаго понятія.

Но отъ отвлеченнаго, доказываетъ нашъ философъ,—и логиченъ только переходъ къ отвлеченному же, сколько ни развивай понятіе, оно никакъ не обратится въ вещественность физическаго міра или во внутреннее существо человѣческаго духа. Слѣдовательно, *понятіе* и не можетъ быть основою *дѣйствительности*.

Да, кромѣ того, самая мысль о какомъ общемъ Гегельскомъ понятіи, какъ чистомъ и абсолютномъ, содержитъ въ

себѣ противорѣчіе. Оно предшествуетъ всему познающему и познаваемому—выходитъ, что это такое понятіе, въ которомъ никто и ни о чемъ не мыслитъ.

Такимъ образомъ, послѣ глубокой и убѣдительной критики Соловьева, оказывается, что истина не содержится ни въ реализмѣ, ни въ раціонализмѣ.

Разсмотрѣвши такъ за шагомъ весь историческій ходъ философскихъ ученій Запада, нашъ мыслитель приходитъ къ тому заключенію, что западная философія окончила свое развитіе и находится въ состояніи кризиса.

Однако эта философія въ концѣ концовъ дала и нѣкоторые положительные результаты. Она, прежде всего сама пришла къ признанію односторонности, а слѣдовательно неистинности и чисто опытнаго познанія и раціональнаго, а потомъ пришла къ признанію (въ философіи Гартмана) въ качествѣ абсолютнаго начала бытія,—всеединаго духа. Наконецъ въ нравственномъ ученіи западная философія выдвинула начало общности людей, какъ необходимаго условія для достиженія высшаго блага.

Во всѣхъ этихъ пунктахъ, по глубокому убѣжденію нашего мыслителя «философія подала руку религіи». Человѣческій разумъ требуетъ начала дѣйствительнаго для всего сущаго; мысль, которой нѣтъ соотвѣтствующаго предмета, являлось бы пустой, безсодержательной. Эта, независимая отъ насъ дѣйствительность, не можетъ исчерпываться одними матеріальными признаками, а должна имѣть *духовную природу*. Она должна содержать въ себѣ такое же внутреннее разнообразіе формъ, какъ разнообразенъ міръ въ своихъ явленіяхъ, и въ то же время она должна служить внутреннимъ единствомъ міра. Слѣдовательно начало всякаго бытія должно быть единымъ, какъ безусловное начало, иначе оно ограничивалось бы другимъ; но въ то же время

оно должно быть началомъ міровой множественности и разнообразія, ибо въ немъ жизнь и сила всего. Такимъ образомъ, основнымъ принципомъ бытія и развитія вселенной во всѣхъ ея проявленіяхъ является принципъ *всеединства*, проведенный мыслителемъ съ чрезвычайною послѣдовательностью.

Носителемъ этого всеединства и является *Богъ, какъ Живое Начало мірозданія*

III.

Жизнь вселенной, какъ постепенное раскрытіе Божественнаго начала. Эволюція и творчество въ мірозданіи.

Весь процессъ жизни во вселенной представляетъ изъ себя ничто иное, какъ постепенное раскрытіе живого творческаго Божественнаго начала отъ самыхъ низшихъ ступеней бытія до высшихъ духовныхъ; въ нравственной же области совершается долгій и трудный переходъ отъ звѣрочеловѣчества къ Богочеловѣчеству, т. е. къ осуществленію идеи Царства Божія, съ возстановленіемъ полнаго нравственнаго порядка, «съ всеобщимъ воскресеніемъ и возстановленіемъ всяческихъ».

Въ этомъ процессѣ между бытіемъ духовной и матеріальной природы нѣтъ раздѣленія, а существуетъ тѣснѣйшая связь и постоянное взаимодѣйствіе. Главныя ступени этого процесса носятъ въ философіи Соловьева уже установившееся названіе царствъ. Ихъ пять: царство минеральное или неорганическое, царство растительное, царство животное, царство человѣческое и царство Божіе.

Вотъ формы бытія съ точки зрѣнія восходящаго процесса всемірнаго совершенствованія; каждая изъ нихъ но-

ситъ характерные признаки повышенія бытія сравнительно съ предыдущей.

На самой низшей ступени стоятъ камни и металлы, олицетворяющіе сонъ природы. Растенія въ неподвижныхъ грезахъ безотчетно уже тянутся къ свѣту, теплу и влагѣ.

Животныя при посредствѣ ощущеній и свободныхъ движеній ищутъ полноты чувственнаго бытія: сытости, полового восполненія и радости существованія (обнаруживая это въ играхъ, въ пѣніи).

Природное человѣчество кромѣ всего этого разумно стремится посредствомъ наукъ, искусствъ и общественныхъ учрежденій къ улучшенію своей жизни, дѣйствительно совершенствуетъ ее въ различныхъ отношеніяхъ и наконецъ возвышается до идеи безусловнаго совершенства.

Человѣчество духовное, или отъ Бога рожденное, должно принять въ себя это безусловное совершенство, какъ дѣйствительное начало того, что должно быть во всемъ, и стремиться осуществить его до конца или *воплотить въ жизни всего міра*.

Каждое предыдущее царство является матеріаломъ для послѣдующаго. Неорганическія вещества питаютъ жизнь растеній, животныя существуютъ на счетъ растительнаго царства, люди живутъ на счетъ животныхъ, а Царство Божіе составляется изъ людей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждая послѣдующая ступень рѣзко отличается отъ предыдущей. Цѣль жизни животной исчерпывается сытостью желудочной и половой; человѣка же, который этимъ довольствуется, справедливо называютъ «скотиной», именно въ томъ смыслѣ, что онъ ниспадаетъ на низшую ступень бытія.

Весь процессъ мірозданія есть результатъ развитія высшихъ формъ изъ низшихъ, *эволюціи*, но въ то же время *и творчества*. Когда среди неорганическаго міра явились пер-

выя растительныя формы, которыя потомъ развились въ роскошное царство деревьевъ и цвѣтовъ, было бы совершенно нелѣпостью, по словамъ Соловьева, утверждать, что эти формы явились сами собою, и такою же, только замаскированною нелѣпостью было бы предполагать, что онѣ произошли отъ случайныхъ комбинацій неорганическихъ веществъ.

Растенія уже живутъ, а жизнь есть новое положительное содержаніе, большее, сравнительно съ безжизненной матеріей, и выводить это большее изъ меньшаго, значить a+b отожествлять съ a. Точно также хотя міръ растеній и міръ животныхъ какъ бы выходятъ изъ одного корня и элементарныя формы тѣхъ и другихъ существъ настолько схожи, что біологія знаетъ цѣлый отдѣлъ животнорастеній—зоофитовъ, но подъ этой кажущейся однородностью несомнѣнно скрывается основное и существенное *различіе типовъ*, которое затѣмъ и проявляется въ двухъ расходящихся направленіяхъ,—царствахъ растительномъ и животномъ.

Точно также, несмотря на всю близость между человѣческимъ и животнымъ міромъ, существенная особенность человѣка, проявляющаяся конечно въ Платонѣ и Гете болѣе, чѣмъ въ папуасѣ или эскимосѣ,—эта особенность, какъ положительное новое содержаніе, какъ нѣкоторый очевидный плюсъ бытія, не можетъ быть выведена изъ стараго животнаго типа. Какой нибудь людоѣдъ самъ по себѣ не многимъ выше обезьяны, но все дѣло въ томъ, что непрерывные ряды совершенствующихся поколѣній ведутъ отъ людоѣда къ Платону и Гете, тогда какъ обезьяна совершенствоваться не можетъ.

Эволюція—есть фактъ, но нелѣпо утверждать, что эволюція создаетъ высшія формы всецѣло изъ низшихъ, эволюція создаетъ лишь матеріальныя условія для проявленія высшаго типа. Каждое появленіе новаго типа есть въ

извѣстномъ смыслѣ новое твореніе, но положительное содержаніе его не возникаетъ вновь изъ небытія, а, существуя отъ вѣка въ Богѣ, вступаетъ лишь въ извѣстный моментъ въ міръ явленій. Эволюція подготовляетъ условія явленія, являемое же происходитъ отъ Бога.

Высшаго своего развитія духъ человѣка достигаетъ въ сознаніи идеи совершеннаго нравственнаго порядка, т. е., *Царства Божія* и необходимости *явленія Богочеловѣка*. Приходитъ къ нимъ человѣческій духъ двумя путями: у евреевъ—пророческимъ вдохновеніемъ, у грековъ—философскою мыслію. Эта идея была отвлеченною, умозрительною, въ практическомъ отношеніи она въ древнемъ мірѣ могла лишь выразиться въ обоготвореніи римскаго кесаря, т. е., въ человѣкобогѣ. Но отдѣльные философскіе умы и вѣрующія души ждали воплощенія Божественнаго Слова, или явленія Мессіи, Сына Божія и Царя правды. И это явленіе совершилось. — Идея Царя Богочеловѣка нашла свое воплощеніе. *Историческое явленіе Христа, какъ Богочеловѣка, неразрывно связано со всѣмъ міровымъ процессомъ, съ отрицаніемъ этого явленія падаетъ смыслъ и цѣлесообразность мірозданія.*

Христіанство есть религія Богочеловѣка; въ союзѣ Божественнаго съ человѣческимъ заключается начало искупленія, спасенія и жизни.

Итакъ есть Богъ Вседержитель, Отецъ и Творецъ міра. Смыслъ міра заключается въ Богѣ, его Источникѣ и виновникѣ. Цѣль міра въ томъ, чтобы соединиться съ Богомъ въ любви, воплотить Его въ себѣ, стать Его царствомъ. Вотъ основныя черты ученія Влад. Сергѣевича о Богѣ и вселенной.

IV.

Царство смерти и царство жизни.—Благодать, какъ источникъ новой жизни.—Три побужденія, на которыхъ, по ученію В. С. Соловьева, основывается нравственность.—Богочеловѣкъ, какъ воплощеніе связующей вселенную Силы Божіей.

Что представляетъ изъ себя жизнь человѣческая внѣ единенія съ Богомъ?

Въ человѣческой природѣ существуютъ два сильныхъ и неискоренимыхъ желанія: это желаніе безсмертія и желаніе правды, нравственнаго совершенства. Желанія эти близки между собою, одно безъ другого даже не имѣетъ смысла: безсмертное существованіе, безъ правды и совершенства кажется вѣчнымъ мытарствомъ; а праведность, лишенная безсмертія, кажется вопіющей неправдой.

По этимъ двумъ желаніямъ противостоятъ два неумолимые факта: неизбѣжное владычество смерти надъ всякою плотью и несокрушимое господство грѣха надъ всякою душою. Природа человѣка снабжаетъ его троякаго рода потребностями: животными, умственными и сердечными.

Основаніе животной жизни—питаніе, цѣль ея—размноженіе. Каждое поколѣніе и въ немъ каждая особь существуетъ лишь затѣмъ, чтобы породить свое потомство, но и это послѣднее существуетъ только для того, чтобы произвести слѣдующее за нимъ поколѣніе. Это называется жизнью рода. Но есть ли это въ самомъ дѣлѣ жизнь?

Если каждое поколѣніе существуетъ только для того, чтобы погибнуть съ появленіемъ новаго, которому въ свою очередь предстоитъ такая же гибель, и если родъ живетъ въ такихъ только, непрерывно гибнущихъ поколѣніяхъ, то жизнь рода есть постоянная смерть. Родовая потребность

есть потребность вѣчной жизни, но вмѣсто этого природа даетъ вѣчную смерть.

Ничто не живетъ въ природѣ, все только стремится жить и вѣчно умираетъ, поэтому, когда говорятъ человѣку: «удовлетворяй потребностямъ и влеченіямъ природы, это единственный путь къ блаженству»,—то эти слова неимѣютъ никакого смысла: ибо первая и основная потребность—сохранять свое существованіе—остается неудовлетворенною.

Власть смерти, тяготѣющая надъ животнымъ существованіемъ и превращающая его въ напрасный порывъ, не есть что-нибудь случайное.

Смерть царствуетъ не только въ нашемъ тѣлѣ, но и въ тѣлѣ вселенной. Царство природы есть царство смерти. Біологія и геологія показываютъ намъ, что не однѣ особи умираютъ, но и цѣлые роды существъ; онѣ разсказываютъ про гибель цѣлыхъ образованій и степеней животнаго и растительнаго царства; а астрономія, изучающая природу небесныхъ тѣлъ, приводитъ насъ къ заключенію, что цѣлые міры и собранія міровъ разлагаются и разсѣеваются въ пространствѣ, и что прежде, чѣмъ подобная участь постигнетъ нашъ солнечный міръ, земля и другія планеты мертвыми ледяными глыбами будутъ носиться кругомъ потухающаго солнца. Въ довершеніе всего, наука, занимающаяся общими законами и свойствами вещественныхъ явленій (физика) въ наиболѣе интересныхъ своихъ обобщеніяхъ приходитъ къ тому выводу, что всѣ явленія въ мірѣ суть лишь различные виды движенія, обусловленные неравномѣрностью молекулярнаго движенія въ тѣлахъ, которое называется теплотою; но это послѣднее непрерывно уравнивается; при окончательномъ же уравновѣшеніи его всякія явленія въ мірѣ неизбѣжно прекратятся, и вся вселенная разрѣшится въ одно безразличное и неподвижное бытіе.

Такъ, стремясь жить, мы умираемъ, и желая познать жизнь, познаемъ смерть; умъ подтверждаетъ только эту гибель, какъ міровой законъ.

И житейскій опытъ и научныя изслѣдованія ума обнаруживаютъ только одно: несостоятельность нашей жизни.

Наша жизнь, далѣе, не только обманъ, но и зло.

Желая жить, мы не только сами умираемъ, но и другія существа умерщвляемъ. Свою жизнь сохранить мы не можемъ, но чужое существованіе можемъ разрушить и дѣйствительно разрушаемъ, питаясь чужою жизнью. Итакъ, наше животное самосохраненіе побуждаетъ насъ въ концѣ концовъ только къ безполезному убійству.

Питаясь чужими тѣлами, человѣкъ—животное отдаетъ себя во власть слѣпого родового влеченія, которое заставляетъ его жертвовать собою для мнимаго поддержанія родовой жизни путемъ размноженія. Если въ питаніи мы беремъ чужую жизнь для поддержанія своей, то здѣсь мы отдаемъ свою жизнь для произведенія чужой жизни.

Такъ какъ путемъ размноженія мы можемъ произвести не истинную, а такую же непрочную и злую жизнь, какъ и наша, то, слѣпо отдаваясь родовому влеченію, мы въ концѣ концовъ совершаемъ только безполезное самоубійство.

И наше сердце, ищущее достойной жизни, должно осудить нашу природу и всѣ пути ея и обратиться къ другому пути. Ибо признать путь природы, т. е. удовлетвореніе своихъ животныхъ потребностей и влеченій за окончательный законъ нашей жизни—значитъ узаконить убійство и самоубійство и примириться навсегда съ царствомъ смерти. «Живи по природѣ»—значитъ убивай и другихъ и себя.

Человѣкъ-животное поневолѣ покоряется такой участи, но человѣческое сердце не можетъ съ ней окончательно примириться, ибо у него есть залогъ иной жизни.

Человѣкъ не только познаетъ умомъ неудовлетворительность жизни по однимъ природнымъ влеченіямъ, но въ своей совѣсти сознаетъ этотъ путь, какъ грѣхъ, какъ недолжное. Это понятіе есть чисто человѣческое, и имъ держится вся наша нравственность.

Животное идетъ туда, куда влечетъ его порывъ жизни. Но у человѣка есть еще вопросъ: долженъ ли я это сдѣлать? Въ насъ говоритъ *совѣсть*.

Но въ силу нашей животной природы у насъ является склонность дѣйствовать вопреки совѣсти, повинуясь однимъ чувственнымъ побужденіямъ. Является борьба. Голосъ совѣсти въ виду противоборствующей природы—называетъ себя закономъ, а животное влеченіе является уже беззаконіемъ или грѣхомъ.

Но какъ путь природы приводитъ къ естественной смерти, такъ путь закона приводитъ къ обнаруженію смерти духовной.

«Я жилъ нѣкогда безъ закона,—говоритъ ап. Павелъ (Рим. VII, 9),—но когда пришла заповѣдь, то грѣхъ ожилъ, а я умеръ».

Законъ только осуждаетъ влеченіе, но не уничтожаетъ ихъ; онъ говоритъ: «не убей», «не обижай» и т. п., а корень грѣха, т. е. дурное влеченіе закономъ не упраздняется, а, напротивъ, возбуждается и становится сознательнымъ.

«Я не иначе узналъ грѣхъ, какъ посредствомъ закона,—говоритъ тотъ же апостолъ, я не понималъ бы и пожеланія, если бы законъ не говорилъ: «не пожелай» (Рим. VII, 7).

Совѣсть лишь судитъ насъ, но не даетъ силы измѣнить, исправить природу, дать торжество добру и покорить зло.

«Законъ духовенъ, а я плотянъ, проданъ грѣху. Ибо

не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу; а что ненавижу, то дѣлаю» (Рим. VII, 15).

Для того, чтобы дѣйствительно измѣнить и исправить нашу природу, необходимо, чтобы открылось въ насъ другое дѣйствительное начало новой жизни.

Начало этой новой лучшей жизни не можетъ человѣкъ создать самъ,—онъ лишь можетъ получить ее. Какъ жизнь природы не создается человѣкомъ, а дается ему отъ міра, такъ и новая, благая жизнь дается ему отъ Того, Кто выше и лучше міра.

Эта новая благая жизнь, которая дается человѣку—называется *благодатью*. Источникъ ея, обладающій полнотою добра—Богъ.

Живя ненастоящей, неистинной жизнью, мы возстаемъ противъ Бога, отдѣляемся отъ ближнихъ, подчиняемся плоти.

А для истинной жизни нужно добровольное подчиненіе Богу, единодушіе другъ съ другомъ и владычество надъ природой.

Начало этой истинной жизни близко намъ и нетрудно: начало добровольнаго подчиненія Богу—есть молитва; начало единодушія между людьми—есть благотвореніе; начало владычества надъ природой—есть освобожденіе отъ ея власти чрезъ воздержаніе, т. е. постъ

Постъ бываетъ 1) духовный: воздержаніе отъ самолюбивыхъ и властолюбивыхъ дѣйствій. Этотъ постъ особенно необходимъ общественнымъ дѣятелямъ; 2) умственный—воздержаніе отъ дѣятельности ума, не приносящей пользы для ближняго и для дѣла Божьяго; этотъ постъ особенно необходимъ людямъ ученымъ, и 3) постъ въ собственномъ смыслѣ, основнымъ видомъ котораго является воздержаніе отъ умерщвленія живыхъ существъ.

Молитва, милостыня и постъ—три основныя дѣйствія личной религіозной жизни.

Кто не умѣетъ молиться Богу, не помогаетъ людямъ и не исправляетъ своей природы воздержаніемъ, тотъ чуждъ всякой религіи, хотя бы думалъ, говорилъ и писалъ о религіозныхъ предметахъ всю свою жизнь.

У насъ нѣтъ времени,.. чтобы *въ должной степени* познакомить слушателей съ нравственными идеалами, вдохновлявшими нажего мыслителя, которымъ особенно много прекрасныхъ страницъ посвящено въ его сочиненіи «Оправданіе добра».

Упомянемъ только, что человѣческая нравственность, по ученію Влад. Серг., коренится въ трехъ непосредственныхъ побужденіяхъ человѣческой природы: въ чувствѣ стыда, чувствѣ жалости и чувствѣ благоговѣнія.

Въ чувствѣ стыда выражается отношеніе человѣка къ тому, что ниже его; въ немъ заключается могущественное побужденіе къ сопротивленію противъ возобладанія надъ нашей нравственною личностью чувственныхъ животныхъ влеченій.

Чувствомъ жалости опредѣляется отношеніе къ подобнымъ ему живымъ существамъ; изъ нея рождаются справедливость, милосердіе и любовь, которыя необходимы для правильной общественной жизни.

Наконецъ, чувство благоговѣнія выражаетъ должное отношеніе человѣка къ Высшему Началу и составляетъ корень религіи Когда эти основные три нравственныхъ побужденія гармонически соединятся въ человѣкѣ и овладѣютъ его волею, они вызываютъ въ немъ то настроеніе, которое создаетъ изъ него истиннаго носителя идеи нравственнаго міропорядка, достойнаго дѣятеля въ созиданіи Царства Божія.

При свѣтѣ христіанства, истинный смыслъ міра не въ раздорѣ и злѣ, а въ единеніи.

Высшее благо то, когда всѣ соединены въ одной всеобъемлющей волѣ, всѣ согласны въ одной общей цѣли. Въ этомъ же истина и красота міра.

Это единство, которымъ держится и связывается вселенная, не можетъ быть только отвлеченной идеей. Оно есть живая личная *Сила Божія*,

Она открылась намъ въ Богочеловѣческомъ Лицѣ Іисуса Христа, «въ Немъ же вся полнота Божества обитаетъ тѣлесно».

V.

Явленіе Богочеловѣка, какъ историческій фактъ.—Воскресеніе Іисуса Христа—необходимое требованіе разума.—Несостоятельность христіанства безъ Христа—Сына Божія.—Обязанности, налагаемыя на христіанина религіею.

Отрицаніе историческаго явленія на землѣ Богочеловѣка не только не имѣетъ за себя никакихъ разумныхъ основаній, но прямо отнимаетъ всякій смыслъ у общаго хода всемірной исторіи.

Если историческое лицо, извѣстное намъ изъ книгъ Новаго завѣта, не было Богочеловѣкомъ, то оно могло быть только естественнымъ произведеніемъ историческаго развитія, эволюціи. Но въ такомъ случаѣ почему же эта эволюція не пошла далѣе въ томъ же направленіи и не произвела другихъ лицъ, болѣе совершенныхъ? Отчего послѣ Іисуса Христа прогрессъ замѣчается во всѣхъ областяхъ жизни, но только не въ коренной области духовной силы?

Всякій, не закрывающій нарочно глаза, долженъ признать огромное разстояніе между благороднѣйшимъ типомъ естественной мудрости Сократомъ и тѣмъ лучезарнымъ явле-

ніемъ торжествующей духовности, которое сохранилось въ Евангеліяхъ и ослѣпило Савла, чтобы переродить его. Между тѣмъ отъ Сократа до Христа менѣе 4 вѣковъ, и если въ этотъ короткій срокъ историческая эволюція могла произвести такое возрастаніе духовной силы въ человѣческой личности, то какимъ же образомъ въ гораздо большее количество времени и при ускоренномъ историческомъ движеніи эта эволюція оказалась рѣшительно безсильною не только повысить духовное совершенство, но и удержать его на томъ же уровнѣ?

Отчего, напр., Спинозу и Канта, жившихъ чрезъ 16 и 17 в. послѣ Христа и представляющихъ весьма благородные типы естественной мудрости, можно сравнить съ Сократомъ, но никому и въ голову не придетъ сравнивать ихъ съ Христомъ? Развѣ потому, что они дѣйствовали въ другой сферѣ? Но вотъ дѣятели, прославленные въ области религіозной: Мухаммедъ, Саванаролла, Лютеръ и т. д.— все могучія проявленія человѣческой природы, но попробуйте по совѣсти сравнить ихъ съ Христомъ!

Отчего, наконецъ, тѣ историческія лица, которыя наиболѣе приближаются къ нравственному идеалу, рѣшительно признаютъ свою прямую зависимость отъ Христа, какъ Высшаго Существа?

Если видѣть въ Христѣ лишь одну изъ относительныхъ степеней нравственнаго совершенства, то отсутствіе дальнѣйшихъ степеней въ теченіе почти двухтысячелѣтняго духовнаго роста человѣчества,—фактъ безсмысленный. Если же признать въ немъ безусловное совершенство, *естественно* происшедшее, то Онъ долженъ бы явиться въ концѣ, а не въ серединѣ исторіи, а во-вторыхъ, Онъ все равно не могъ бы явиться простымъ результатомъ исторической эволюціи, такъ какъ между абсолютнымъ и относительнымъ

совершенствомъ разница не количественная, а качественная, существенная и вывести первое изъ второго логически невозможно.

Все это заставляетъ насъ признать въ Іисусѣ Христѣ не послѣднее слово царства человѣческаго, а первое и всеединое Слово Царства Божія,—дѣйствительнаго и истиннаго Богочеловѣка.

Воскресеніе Іисуса Христа—есть побѣда жизни надъ смертью, есть первое рѣшительное торжество живого духа въ непрерывной войнѣ между нимъ и мертвымъ веществомъ.

Въ этой войнѣ вся исторія міросданія. И ранѣе были были побѣды духа жизни, но послѣ каждой изъ нихъ врагу удавалось снова утвердить свое могущество.

Первая побѣда жизни была, когда среди коснаго неорганическаго вещества закишѣли и закопошились миріады живыхъ существъ.

Въ новый фазисъ эта война между жизнью и смертью вступила, когда на землѣ появилось разумное существо, человѣкъ. Но какъ сила физическая неизбѣжно побѣждается смертію, такъ и силы умственной недостаточно, чтобы побѣдить смерть. Только безпредѣльность нравственной силы даетъ жизни абсолютную полноту, исключаетъ всякое раздвоеніе и, слѣдовательно, не допускаетъ окончательнаго распаденія живого человѣка на двѣ отдѣльныя части: безплотный духъ и разлагающееся вещество.

Распятый Сынъ Человѣческій и Сынъ Божій, почувствовавшій Себя оставленнымъ и людьми и Богомъ и при этомъ молившійся за враговъ Своихъ, очевидно не имѣлъ предѣловъ для Своей Духовной силы, и никакая часть Его существа не могла остаться добычек смерти.

Мы умираемъ потому, что наша духовная сила, внутри связанная грѣхами и страстями, оказывается недоста-

точною, чтобы захватить и претворить въ себя все наше внѣшнее тѣлесное существо; оно отпадаетъ, и наше естественное безсмертіе есть только половинное, безсмертна только внутренняя сторона, только безплотный духъ.

Въ Христѣ же все смертное побѣждено безусловно и окончательно.

Будучи рѣшительною побѣдой жизни надъ смертью, Воскресеніе Христово есть тѣмъ самымъ торжество разума въ мірѣ.

Оно чудо лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ первое новое появленіе чего-нибудь, какъ необычное, удивляетъ и заставляетъ *чудиться*.

Но и каждая стадія развитія въ мірозданіи является чудомъ: и появленіе перваго живого организма среди неорганической природы и появленіе перваго разумнаго существа надъ царствомъ безсловесныхъ было чудомъ. Настолько и появленіе перваго всецѣло духовнаго и потому неподлежащаго смерти человѣка-первенца отъ мертвыхъ—было чудомъ. Если чудесами были предварительныя побѣды жизни надъ смертью, то чудомъ должно признать и побѣду окончательную. Но то, что *представляется* какъ чудо, *понимается* нами, какъ совершенно естественное, необходимое и разумное событіе.

Истина Христова Воскресенія есть истина всецѣлая, полная—не только истина вѣры, но также и истина разума. *Если бы Христосъ не воскресъ, міръ оказался бы безсмыслицею,* царствомъ зла, обмана и смерти.

Въ своемъ послѣднемъ, предсмертномъ сочиненіи «Три разговора»—Влад. Серг. краснорѣчиво доказываетъ, что безъ вѣры въ воскресеніе Христа жизнь рѣшительно теряетъ всякій смыслъ, и всякій нравственный подвигъ не имѣетъ цѣли. Для чего дѣлать добро, для чего жертвовать собой для этого добра, когда изъ дѣла добра, изъ пропо-

вѣдѣ истины никогда ничего, кромѣ смерти, не выходило, не выходитъ и не обѣщаетъ выйти?

Тутъ только мѣсто для пессимизма, для полнаго отчаянія.

И единственная опора противъ этого отчаянія—въ дѣйствительномъ воскресеніи Христа, какъ побѣды добра надъ зломъ.

Безъ признанія факта воскресенія Христа, безъ признанія Его истиннымъ Сыномъ Божіимъ, христіанство теряетъ всякій смыслъ.

И нашъ философъ глубоко возмущается новымъ христіанствомъ, которое передѣлало по своему Евангеліе, лишило его живительной силы, и потомъ кощунственно прикрывается именемъ Христа, отрицая въ то же время Его Божественность.

Онъ сравниваетъ этихъ послѣдователей новаго Евангелія съ невѣжественными послѣдователями секты «дыромоляевъ», которые всю религію свели на то, что просверливъ въ избѣ дыру, говорятъ въ нее: «Изба моя, дыра моя, спаси меня!»

Христіанство безъ Христа—Сына Божія, и Евангеліе, т. е. благая вѣсть, безъ того блага, о которомъ стоило бы возвѣщать, именно безъ дѣйствительнаго воскресенія въ полноту блаженной жизни,—есть такое же пустое мѣсто, какъ и обыкновенная дыра, просверленная въ крестьянской избѣ.

Но недостаточно и одной личной вѣры въ Христа, одного признанія Его Божественности.

Истинная религія не должна состоять въ одной только религіозности. Вѣрующій человѣкъ долженъ сознавать себя членомъ общества, что налагаетъ на него свои обязанности. Онъ долженъ поставить своею цѣлью проводить Духъ Христовъ во всѣ области человѣческой жизни.

Религіей должны опредѣляться *всѣ интересы, все содержаніе человѣческой жизни и сознанія.*

Церковь должна освящать и чрезъ посредство христіанскаго государства преобразовывать всю жизнь народа и общества.

Итакъ, обязанности, налагаемыя религіей на человѣка, можно формулировать слѣдующимъ образомъ: молись Богу, помогай людямъ, воздерживай свою природу; сообразуйся внутренно съ живымъ Богочеловѣкомъ Христомъ, признавай Его дѣйствительное присутствіе въ церкви и ставь цѣлью проводить Его духъ во всѣ области человѣческой жизни, чтобы небо сочеталось съ землей.

Вотъ въ основныхъ чертахъ содержаніе религіозной философіи Влад. Сергѣевича Соловьева.

VI.

Философія В. С. Соловьева, какъ подвигъ его жизни.—Судьба его идей.—Вѣра философа въ возрожденіе русскаго общества.—Роль въ этомъ русской женщины.

Разъясненію философски сознанныхъ В. С. Соловьевъ истинъ посвятилъ всю свою жизнь. И эта жизнь была жизнью подвижника, постояннымъ стремленіемъ оправдать свою вѣру, исполнить то, что считалъ онъ своимъ призваніемъ. «Трудна работа Господня»,—говорилъ онъ на смертномъ одрѣ. Но отъ этой работы онъ не отступалъ до самой смерти. Выпуская свое послѣднее сочиненіе «Три разговора», онъ тревожился, что въ изложеніи книжки найдутся недостатки, но торопится выпустить ее, потому что, какъ онъ самъ выражается въ предисловіи, «ощутителенъ и не такъ уже далекъ образъ блѣдной смерти, тихо совѣтующій не откла-

дывать дѣла». И вотъ, въ виду смерти онъ спѣшитъ обличить обманъ, которымъ смущаютъ легковѣрныхъ послѣдователей новаго Евангелія, отразить нападки на то, что такъ дорого было его душѣ.

Мы уже говорили, какъ своевременны и полезны были для русскаго общества его отрезвляющія слова, призывавшія къ серьезному уясненію основныхъ вопросовъ жизни.

И приходится отъ души поскорбѣть, что прекрасная, воодушевленная философско-богословская проповѣдь Соловьева у насъ извѣстна немногимъ.

Впрочемъ, отсутствіе широкой популярности—судьба всѣхъ философовъ. Въ этомъ отношеніи тысячу разъ правъ Шопенгауэръ, который степень популярности и силы впечатлѣнія основываетъ на легкости непосредственнаго пониманія продуктовъ работы извѣстнаго лица. На первомъ планѣ онъ ставитъ клоуновъ, затѣмъ модныхъ теноровъ и баритоновъ и т. д. На послѣдней ступени популярности стоятъ философы, для понимаія которыхъ требуется напряженіе ума.

И идеямъ нашего философа нѣтъ широкаго мѣста тамъ, гдѣ съ одной стороны стоитъ масса, еще питающаяся «млекомъ» вѣры, которая еще не нуждается въ философскомъ освѣщеніи своего пониманія истинъ вѣръ,—съ другой—толпа людей, махнувшихъ рукой на всѣ высшіе вопросы во имя девиза: «будемъ ѣсть и пить, потому что завтра умремъ», или людей разряженныхъ въ разноцвѣтные лохмотья модныхъ, не провѣренныхъ мнѣній, преклоняющихся только предъ тѣмъ, что имѣетъ на себѣ заграничную марку.

Одинъ русскій человѣкъ 15 столѣтія, попавъ въ невѣдуемую дотолѣ страну и передавая свои впечатлѣнія, писалъ: «А есть здѣсь птица гукукъ, а летаетъ ночи, а кличетъ гукукъ; а на которой хороминѣ сидитъ, то тутъ

человѣкъ умретъ; а кто ее хочетъ убити, ино у нея изо рта огнь выйдетъ. А мамоны ходятъ ночи да имаютъ куры... и языкъ ихъ есть свой» и т. д.

Вотъ такими же невѣдомыми «гукуками» и «мамонами» для этой толпы являются и богословскіе вопросы, и познанія ихъ въ данной области не идутъ въ качественномъ отношеніи дальше свѣдѣній наивнаго путешественника.

Мѣсто ли здѣсь идеямъ нашего философа?

Но, можетъ быть, настанутъ и другія времена.

Намеки на ихъ наступленіе есть.

Видно нѣкоторое пробужденіе интереса къ религіозныхъ вопросамъ.

Это болѣе всего замѣтно пока въ центрахъ умственной жизни.

Религіозные вопросы занимаютъ печать, новое настроеніе запечатлѣно уже и въ беллетристикѣ.

Философская слава Соловьева совпадетъ съ торжествомъ этихъ идей.

Самъ философъ былъ твердо убѣжденъ, что современемъ религіозно-нравственныя нормы должны лечь въ основу всѣхъ проявленій общественной и государственной жизни.

Онъ высказывалъ крѣпкую увѣренность въ возрожденіи русскаго общества и выдающуюся роль въ этомъ будущемъ возрожденіи давалъ женщинѣ.

Роль женщины въ исторіи,—по его словамъ,—совершенно соотвѣтствуетъ ея физіологической роли. Зачинать сама новую жизнь она не можетъ, но зачатую другимъ она вынашиваетъ и выводитъ на свѣтъ Божій, и безъ этого ея участія ничего бы не произошло.

Въ эпохи, когда жизненныя идеи еще владѣютъ человѣчествомъ, женщины проявляютъ общественный консерватизмъ.

А въ тѣ эпохи, когда старыя формы жизненныхъ началъ исчерпаны, женщины сильнѣе и рѣшительнѣе мужчинъ испытываютъ недовольство традиціонными рамками жизни и стремленіе выйти изъ нихъ на встрѣчу новому грядущему.

Прежде, чѣмъ онѣ попадутъ на истинное, онѣ съ жаромъ хватаются за все, что имъ представляется. Марія Магдалина, прежде чѣмъ найти Христа, прошла чрезъ власть семи бѣсовъ. Для современной женщины эти бѣсы являются въ видѣ ложныхъ идей свободной любви, политической агитаціи, обожественнаго естествознанія, экономическаго матеріализма и др. до семи.

Всѣ эти современные бѣсы могутъ обманывать и мучить, но дѣйствительнаго удовлетворенія дать они не могутъ,—и женской душѣ еще менѣе, чѣмъ мужской.

Истинное удовлетвореніе можетъ дать только единая истина, которая не можетъ быть сегодняшней или завтрашней, она вѣчная.

Единое слово истины сказано и другого мы не услышимъ, потому что другого и быть не можетъ. Устарѣло не оно, а наше разумѣніе его. Новый образъ усвоенія и осуществленія вѣчнаго слова истины всегда возможенъ и нынѣ становится необходимымъ. Смятеніе женской души—явный признакъ этой потребности и ея близящагося удовлетворенія.

Женщины первыя поднялись на встрѣчу воскресшему Христу. Смыслъ нынѣшняго женскаго движенія, по ис вленіи отъ современныхъ бѣсовъ, приготовить новыхъ женъ мироносицъ для предстоящаго воскресенія всего христіанства и просвѣтлѣнія подъ его вліяніемъ жизни.